

Е. С. Соболева

ВЛЮБЛЕННАЯ В ЕНИСЕЙ

Репутация и слава Евгении Алексеевны Алексеенко как ученого бесспорны. Ее работы основаны на полевой, многократно проверенной информации, точны, написаны ясно и одновременно увлекательно. Ее литературный стиль и культура слова могут служить образцом для подражания. Немаловажно, что в ее статьях никогда нет пустословия, «воды». Тот объем знаний, который Евгения Алексеевна накопила более чем за 50 лет своей работы и который она поддерживает, является востребованным. Но как ей удавалось делать так много в течение ее научной жизни, долго оставалось неизвестным. И лишь в последние годы Евгения Алексеевна немного раскрыла технологию своей полевой работы [Алексеенко 2007].

Этнографическая рефлексия в последние десятилетия заставляет по-новому взглянуть на работу ученых, труды которых стали основополагающими для науки. В зарубежной антропологии обсуждаются проблемы этики полевых исследований, ответственности авторов за содержание их публикаций, отношение с информантами и т.п. Заслуги Е.А. Алексеенко признаны и ученым миром, и северянами, и это уважение отражено в альбоме, подготовленном администрацией к юбилею Туруханского района [Туруханск 2004].

Мне еще в студенчестве довелось слышать немало рассказов о народах Енисейского Севера и работе Туруханского отряда академического Института этнографии, когда Рудольф Фердинандович Итс, заведующий кафедрой антропологии и этнографии, читал лекции студентам исторического факультета ЛГУ. В 1975 г. он повез нашу группу на Енисейский Север в экспедицию. В 1981 г. Евгения Алексеевна Алексеенко взяла в экспедицию меня, тогда уже сотрудника ИЭ/МАЭ, и Татьяну Бажан, в то время студентку философского факультета ЛГУ. И это была прекрасная практика этнографической полевой работы. Мы учились у Евгении Алексеевны прежде всего позитивному отношению к миру. Она деликатно подсказывала, как следует жить, общаться и работать в условиях тайги, понимать и уважать Север, его жителей и историю, ценить помощь и поддерживать контакты. Так же тепло о Е.А. Алексеенко отзывав-

лись коллеги в Германии, где я находилась в 1993—1994 гг. как стипендиат Фонда Александра фон Гумбольдта.

Еще школьницей я прочитала в газете о кетах — загадочном народе, проживающем в районе Енисея. Поступив на кафедру этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ в 1973 г., я при собеседовании без колебаний объявила комиссии о выборе специализации, что явно повергло в ужас представителя кафедры А.В. Гадло. Всем вновь зачисленным студентам было жестко объяснено, что надо сопоставлять реальность и свои возможности, поэтому на **I курсе темы нам дали по силам, и этот принцип был весьма мудрым.** Приобретя опыт учебы и начитавшись литературы по одежде бурят, я, наконец, была допущена к кетской тематике. Действительно, надо быть хорошо подготовленным, чтобы правильно читать работы Е.А. Алексеенко: в них нет ничего лишнего, каждое слово на своем месте, а мысли настолько емки, что вложенное в них содержание дает возможности для дальнейших размышлений. Как выяснилось, вторую часть ее монографии «Кеты» коллеги-сибиреведы тоже читали многократно и по разделам.

Обучая студентов азам профессии, Р.Ф. Итс постоянно приводил примеры из своей полевой практики (сезоны 1958, 1959, 1960 и 1961 гг.) на Енисейском Севере. В 1975 г., как я уже говорила, он повез нас, окончивших **II курс, в мифические края, о которых мы** уже столько слышали. В экспедиции участвовали Александр Азаров, Василий Глухов, Юрий Карпов, Юрий Саватеев, московский аспирант Валерий Осинев, а из дам — я и Галина Геронтьевна Итс. Она объясняла это свое решение тем, что «давно хотела посмотреть Енисей», и в этом мы все были с ней солидарны.

Ехали мы, студенты, четыре дня поездом до Красноярска, откуда плыли по Енисею с редкими остановками через пороги и мимо каменных щек, заброшенных деревень, постепенно двигаясь на север. Где теплоходом, а где и моторными лодками экспедиция двумя отрядами достигла Игарки. Из енисейских поселков самолетом перелетали в населенные пункты в глубине леса.

Конечно, охватить все места работы Туруханского этнографического отряда ИЭ за два месяца было невозможно, и наша экспедиция ограничилась поселками Верхнеимбатск и Келлог, а из Туруханска затем добралась до Мундуйского озера. И везде нас окружала аура Е.А. Алексеенко: здесь она была тогда-то, беседовала с теми-то, делала то-то и т.п. Даже в промежуточных пунктах —

Красноярске и Игарке — мы находили нечто, связанное с нею и кетами, которым она посвятила свою жизнь.

Для начинающего этнографа очень важно сразу окунуться в среду, где тебя признают; и то, как принимали студентов, которых привез Р.Ф. Итс, на Енисейском Севере, является показателем отношения населения этого региона к исследователям, сформировавшим многолетними усилиями имидж этнографов и антропологов.

В Туруханске поздно вечером, сойдя с теплохода, доктор исторических наук профессор Р.Ф. Итс повел группу на улицу им. Григория Вейнбаума и, постучав в окно, громко произнес: «Тетя Груня, дядя Федя, это я, Рудик». Дверь немедленно отворилась, и все мы получили ночлег в крошечном домике семьи Гавриленко, где, как выяснилось, любили останавливаться этнографы. Об этих замечательных людях и первых годах работы на Туруханском Севере Е.А. Алексеенко написала тепло и с любовью [Алексеенко 2008]. Супруги Гавриленко сумели всех нас куда-то уложить, накормить, и постоянно спрашивали, как там Женя. Наконец, утром мы увидели ее на фотографиях 1950–1960-х гг. и были потрясены: легендарный этнограф-первопроходец предстала на снимках как хрупкая блондинка с кудряшками на лбу и небольшим хвостиком, в очках, платочке (которые ей очень идут) и, что поразительно, — в юбке! Тут я поняла, почему начальник экспедиции убедительно рекомендовал мне взять с собой платье (тогда носили мини) и туфельки.

В первый кетский поселок Келлог мы прилетели двумя рейсами — в один маленький самолет не вместились ни грузы, ни люди. Тайга, полная грибов (походил по опушке — набрал на целую сковородку), широкая быстрая река Елогуй, яркое солнце и жара до +35°C, при этом комары, оводы (за размеры и гудение они получили у нас прозвище «мессершмидты») и мошка не позволяли всем этим насладиться. Не спасали ни плотная одежда, ни платок, ни ДЭТА (пузырек всегда был в сумке, чтобы мазать шею и руки). Постоянно окружавшие нас кетские дети не обращали на гнус внимания, только иногда, вздрогнув, хлопали по укусившему их оводу. По уверениям опытного Р.Ф. Итса, когда в нас накопится достаточное количество яда, то и у нас выработается иммунитет, но до этого надо было еще дожить. Без противомоскитного полога спать было невозможно. В Верхнеимбатске купили противомоскитную сетку, сшили накомарники. Со временем черный цвет сетки стал сливаться с черным от мошкеры воздухом, так что попытки сунуть в рот ложку или

сигарету, не поднимая накомарника, стали обычным поводом для смеха.

Рудольф Фердинандович постоянно рассказывал, что именно наблюдали и делали здесь ранние экспедиции. Особенно потрясали рассказы о том, как они с Е.А. Алексеенко выходили к месту бывших лагерей, о снеге, светящемся после испытаний секретного оружия, и т.п. Но и нормальные бытовые ситуации тоже производили впечатление: когда весной в стойбище закончился запас продовольствия и «скоро придется есть кого-то», прилетели священные птицы, и кетские старейшины решили, что тотемические предки добровольно явились спасти своих потомков, взялись за ружья — и угроза голода была ликвидирована.

Одним из заданий, которые поручил нам Р.Ф. Итс, было показать коренным жителям фотографии предметов из фондов МАЭ и записать комментарии. Эти снимки дала Е.А. Алексеенко. На фото были шаманские подвески и другие редкие вещи. Мы честно демонстрировали снимки старикам, которые обсуждали их между собой, а потом качали головами и утверждали, что сказать им нечего. Так мы быстро поняли, что добывать информацию — нелегкий труд, а культура уходит слишком быстро, и надо торопиться фиксировать то, что мы видим. Позднее я неоднократно выслушивала жалобы зарубежных коллег, что этот метод музейной ретроспекции приносит обычно очень мало результатов.

На Мундуйском озере мы застали стационарный поселок из нескольких домов, а также летние чумы и землянки кетов на другом конце озера. Проблем с пищей не было: законопатили лодку, поставили сетку и дважды в день выбирали из нее рыбу. Крупные окуни выпрыгивали из воды и прямо в воздухе хватали крючок с наживкой, так что ловля на удочку перестала быть спортом для наших рыбаков-любителей. Р.Ф. Итс демонстрировал свои кулинарные таланты: варка особой ухи, изготовление кетского рыбного пирога, который он запекал между двух сковородок на костре (еды хватало на все стойбище). Ради свежего чира и пеляди сюда на рыболовную базу раз в неделю из Туруханска присылали гидроплан. Рыбаки ловко передвигались на ветках — лодках-долбленках. Кетская семья, отправляясь проверять сеть, размещалась в дощатой лодке следующим образом: жена сидела на веслах, а муж — на руле; ответ мужчины на вопрос, почему обязанности распределены именно так, был лаконичен: «Ее дело — гребки да гребки, а мне думать надо».

Изучать похозяйственные книги Р.Ф. Итс отправил нас в пос. Курейка. Совершив 12-километровый марш по тайге, на реке дождались попутного катера со строящейся Курейской ГЭС, который и подвез нас до места ссылки И.В. Сталина. Путь назад был еще более романтичным: белая ночь, волки воют, нам на троих выдана ТОЗовка с патронами и рация весом 40 кг, которую попросили по пути доставить в стойбище...

После поездки к кетам совсем по-другому воспринимались и оценивались этнографические статьи, написанные по полевым материалам. Жаль, что рамки жанра так их ограничивали и многое осталось за пределами выделенного авторам объема.

Тем не менее на консультацию к Е.А. Алексеенко Р.Ф. Итс допустил меня только после сдачи полевого отчета. Готовясь к встрече, я записала в тетрадку вопросы «поумнее» и предварительно показала их научному руководителю Д.Г. Савинову, так как смущалась отвлекать от науки легендарного специалиста всякой ерундой. Евгения Алексеевна, нежная и скромная, ничем не напоминала закаленного «полевого волка». Она внимательно меня выслушала, ответила на самые дурацкие вопросы. Первые же ее добрые слова пленяли и очаровывали собеседника. Двигалась она с трудом, ходила с палочкой, но отказывалась от помощи (у Евгении Алексеевны развивалось мучительное заболевание, которое вскоре привело ее на больничную койку; к счастью, опухоль в позвоночном канале удалась во время выявления и удалить).

Евгения Алексеевна впоследствии серьезно относилась к моим студенческим опусам, была рецензентом дипломной работы. Она даже отправила меня после **IV курса в экспедицию с В.П. Дьяконовой** на Горный Алтай к теленгитам. А когда для диплома не хватило редких публикаций, выдала их копии, тщательно переписанные от руки, из своего личного архива.

Несмотря на то что жизнь заставила меня изменить направление специализации, у этнографов-зарубежников считалось обязательным участвовать в экспедициях внутри страны. Любовь к Енисейскому Северу осталась навсегда, и мне еще долго весной снились северные сны, а опыт пригодился в дальних поездках. Но только в августе—сентябре 1981 г. мне довелось совершить следующую поездку на Енисей с Е.А. Алексеенко. Основными пунктами работы Туруханского отряда были пос. Сым и Бахта.

Поскольку после операции Евгения Алексеевна не могла носить тяжести на спине, она несла в руках необходимый дорожный мини-

мум. Это облегчало передвижение, но наши рюкзаки со спальными мешками были значительно больше. Евгения Алексеевна уверяла, что мы едем к людям, а они всегда помогут. Действительно, ей везде выдавали спальные принадлежности, а в Бахте даже выделили теплые шкуры, на которых очень хорошо спалось.

В этот раз мы летели самолетом до Красноярска, отсюда быстро добрались до Ярцево на судне на подводных крыльях. Интересно было наблюдать девушек на каблучках на фоне одетых в потертые штормовки гордых собой туристов. Впрочем, Евгения Алексеевна опять задавала нам тон: она всегда была очень женственна и опрятна — ее брючки, блузочки, платочки и пр. в любых условиях оставались чистыми и стильными.

Экспедиция 1981 г. оказалась физически сложной. Евгения Алексеевна предприняла попытку отыскать в верховьях р. Сым древнекетские землянки, сведения о которых она получила много лет назад. Одновременно задачу раскопать и изучить древние памятники поручил четверем студентам Кемеровского университета Р.В. Николаев. Объединившись, мы вместе улетели в факторию Сым (туда раз в неделю летал самолет) и поселились в одном доме, но затем отряды разделились. Забегая вперед, скажу, что землянок мы не нашли, но информанты обнаружили их после нашего отъезда, о чем написали Евгении Алексеевне.

Фактория Сым стоит на высоком берегу одноименной реки, так что к воде надо было лазать по крутой лестнице. В поселке проживали русские староверы разных толков и небольшая группа кетов и эвенков. Вернувшись, мы прочли в газетах, что именно в это время южнее в тайге были обнаружены отшельники Лыковы, и тема приобрела неожиданную актуальность. Сым оказался довольно большим, но нестабильным поселком. Население не было заинтересовано в его популяризации. Но туда все равно добирались и оставались на жительство отдельные уставшие от цивилизации лица, а летом появлялись отходники, собиравшие дикоросы. Так, из Эстонии прилетели мать с детьми на сбор грибов и ягод; обычно они заготавливали достаточно, чтобы не только оплатить билеты, но и жить на вырученные деньги целый год. В 1981 г. был неурожай, и им пришлось следующим рейсом возвращаться в Ярцево и искать более богатые места.

Выйдя из самолета и увидев типичный прибалтийский пейзаж — песок и сосны, мы удивились: это тайга? Между сосен и кедров жители ездили на мотоциклах, к которым привязывали лодку. В лесу

росли белые грибы и ягоды, которых отходники за лето сушили и заготавливали ящиками. А в чистых мелких водах реки жирела в ямах стерлядь. Если бы не тучи гнуса, здесь было бы райское место. Река, впрочем, постоянно подмывала высокий берег, и когда прибрежный ряд домов уничтожился, новый дом уже должен был быть возведен подальше.

Хозяйственная жизнь экспедиции была налажена быстро: найден и отмыт дом, получены дрова, куплены продукты, хозяин даже выделил нам пятилитровую банку моченой брусники. С эвенкийскими хозяйками, у которых были формы для хлеба, удалось договориться, и они пекли для нас лишнюю буханку. И если корова, которая свободно паслась в тайге, приходила домой подоиться, то мы получали парное молоко.

Коров держали не только старoverы, но и эвенки. Один ветеран, служивший в годы Второй мировой войны в армии возчиком, дошел до Вены и с юмором рассказывал, как пускал лошадей пастись в поле, не зная, что оно пшеничное. Его русская жена держала корову, а сено на зиму приходилось косить по берегам Сыма, где иногда росла редкая на этих песчаных почвах трава. Потом охапки сена на лодках везли в факторию и поднимали на берег. Большие семьи старoverов быстро метали стога. Сложнее было непривычным эвенкам. Молодые родственники хозяина подавали вилами сено, но отказывались забираться на стог высоко. Задачу укладки сена пришлось взять на себя, что, естественно, наблюдала вся деревня. Завершив эту непростую задачу, мы поняли, как мало знаем, на что способны истовые земледельцы даже близ Полярного круга: на праздничный стол были поданы и местные огурцы, и даже местные арбузы.

Полевая работа среди старoverов не была легкой. Контакты с ними были ограничены, место для бесед — тоже. Нам с большим доверием давали книги (издания Рижской старообрядческой Гребеншиковской общины, например), нежели информацию. Кроме того, мужчин в фактории было намного больше, чем женщин, и внезапное появление четырех свободных дам (мы с Татьяной и присоединившиеся к нам кемеровские студентки) активизировало мужское население. Молодые люди имели свои мифы о богатых невестах поселках, одним из таких считался Келлог.

Эвенки и кеты в эти годы прекращали кочевать, но традиционное стойбище еще существовало. Олени, в отличие от Келлога, в это лето в поселок не пришли. По легендам, водными путями от Енисея до Оби охотники добирались за 2–3 дня. В болотах между Обью

и Енисеем, по слухам, прятались староверские поселки и монастыри, которые регулярно меняли место пребывания, и люди перевозили скот и утварь с собой на плотах. А связь с Большой Землей осуществляли доверенные лица, которые покупали в поселковом магазине для отшельников муку, сахар и т.д. Пушнина помогала получать ружья, патроны, лодочные моторы, бензин и пр.

Наш этнографический отряд на моторной лодке отправился вверх по р. Сым почти на 100 км, где когда-то были обнаружены землянки. По пути подвезли двух селькупок, которые с первого взгляда узнали Евгению Алексеевну и рассказали, в каком году и к кому именно она приезжала в их поселок на Оби.

В этот раз у экспедиции был большой запас киноплёнки, на которой получились удивительной красоты цветные слайды. А поскольку в Московской части Института этнографии нам были выданы сетки Павловского, то на снимках видны хотя бы наши лица. По пути хотелось зафиксировать достопримечательности и красоты. На одной из остановок ради панорамного кадра мы с Таней Бажан влезли на высокий берег и на самом верху увидели свежие медвежьи следы. След нашего спуска представлял собой скорее лыжные колеи в хвое, а не отдельные отпечатки сапог.

Семейство лесника Сидоркина, тоже старовера, построило в тайге усадьбу, двор которой был покрыт чистыми досками, так что ходить по ним в грязных резиновых сапогах было более чем грешно. Во дворе имелось несколько лодочных моторов — проще заменить мотор, нежели починить деталь.

Приютили нас в гостевой комнате, но дальше в дом не пустили, а старшие женщины нам вообще не показывались. Однако когда приплыли байдарочники и поставили на том берегу палатки, гонец пригласил их воспользоваться баней.

Накормили нас из особой посуды супом из лосятины и с интересом наблюдали, как мы запивали еду черемуховой бражкой. Этот сладенький напиток лилового цвета отличался убийственными хмельными свойствами: проводник признался, что как-то, отведав стаканчик, он по пути домой заснул за рулем и проснулся на острове, куда выкинуло лодку. Мы же обрели невиданную храбрость и отправившись на поиски землянок в настолько заболоченные старицы, что лодку пришлось не только проталкивать, но и тянуть за веревку, бредя по пояс в тине (благо пиявки на Севере не водятся).

Неловкости в контакте все-таки были — по причине наших крашенных ногтей на ногах, археологических датировок и истории ма-

монтов. Хозяева не могли согласиться с некоторыми геологическими датировками, ибо дата сотворения мира, как известно, указана в Библии, а мамонт не пришел в Ноев ковчег и потому Потоп не пережил.

Тем не менее и у русских северян Евгения Алексеевна нашла много общего с кетской, селькупской и другой охотничьей и рыбацкой практикой и магией. Таня Бажан потихоньку записывала местный фольклор на медвежью тему. Быличек рассказывали немерено, и Евгения Алексеевна затем выявляла и объясняла нам кетскую и угорскую специфику сюжета и деталей. Вообще медведи сопровождали нас оба месяца экспедиции.

Рассказы о том, как коровы обрастают шерстью и бодаются в тайге с медведями, получили неожиданное подтверждение: в окрестностях фактории бродил «нехороший» медведь, охотники сделали засады на деревьях, поставили ловушки и т.п. Все эти приспособления, естественно, попали в поле нашего профессионального изучения.

Как-то мы забрели в заросли голубики, которые с другой стороны объедал мишка. Ягод хватило всем, но когда мы выяснили источник довольного похрюкивания, то очень быстро, хотя и не бегом, оказались в поселке, не заблудившись.

На Сыму для музея была собрана уникальная коллекция: один охотник предложил взять старые эвенкийские лыжи, на скользящей поверхности которых он, ободрав камус, обнаружил рисунки (чтобы владелец в тайге не заблудился). А за день от отлета пришел русский рыбак, который предложил нам поехать на заимку и забрать шаманский костюм, который он нашел где-то в тайге. Сам он при этом предпочел остаться в фактории. Мы, естественно, поехали и по сообщенным им приметам нашли и заимку, и парк, и ощутили на себе, что месть шамана за разграбленное погребение переключилась на экспедицию. На обратном пути лодка садилась на все мели, в конце концов в песке был потерян винт, и несколько километров мы двигались берегом под соответствующие прибаутки проводника о повадках подраненных медведей тихо нападать сзади. У Евгении Алексеевны, как выяснилось, были проблемы с ночным зрением, и надо было обязательно дойти до поселка засветло. Когда мы вошли в дом, началась страшная гроза с молниями, так что на утро взлетная полоса была размыта, и самолет не прилетел.

Утром в дом пришли старушки и сели в уголке, спокойно наблюдая, как мы пакуем экспонаты. Евгения Алексеевна не скрывала от

них, какие коллекции мы отправляем в музей, наоборот, советовалась. Были вынуты из запаса подарков новые платочки, и старушки обещали умиловить духа шамана — отнести эти чистые ткани в нужное место. Поле подсохло через пару дней, мы с грустью улетели и из Ярцево на теплоходе двинулись на север, а посылки — на юг. Как выяснилось, теплоход, на который погрузили данную шаманскую парку, получил повреждение, не дойдя до Красноярска, и больше в навигацию не использовался. Но обряд, видимо, старушки провели вовремя, потому что больше катастроф не произошло, и посылки благополучно прибыли в МАЭ.

Задачей Евгении Алексеевны на Большой Земле было достать бензин и компенсировать расходы сымским проводникам, что она сумела сделать, как обычно, мягко, но настойчиво убедив чиновников, как это важно для науки.

Бахту также можно отнести к недоступным местам, ибо теплоходы проходят этот населенный пункт в ночное время. Так и нас высаживали посреди Енисея в шлюпку при свете прожекторов, к счастью, вместе с группой байдарочников, которые, выгрузив рюкзаки, быстро развели на берегу костер, чтобы греться до утра. В начале сентября по ночам подмораживало, и в резиновых сапогах было холодно. Когда рассвело, мы двинулись вверх по угору искать знакомых, по пути наблюдая чудо играющих лошадей.

Знакомых было много, и полевая работа закипела. Для жизни нам выделили домик рядом с кладбищем. В домике размещался ретранслятор, и мы знали, когда в поселке включали и выключали телевидение.

Вокруг Бахты раскинулась классическая тайга с завалами из поваленных деревьев, так что забредать далеко возможности не было. Зато оттуда выбрался медведь, который был застрелен прямо на улице, и все ходили смотреть, как его мясо варили в котле.

Жизнь концентрировалась на Енисее, и население охотно меняло надоевшую свежую рыбу на арбузы, которые баржами везли на север. По Енисею двигались и баптисты, которые обращали население, в том числе и кетов, в протестантство.

Впрочем, прямое заимствование чужих обычаев и предрассудков успеха не давало. Так, кеты жаловались, что если при переезде в новый дом они первой запускали кошку, это не обеспечивало ни удачи, ни счастья. В кетских домах традиционные алелы прекрасно уживались с православными иконами. Кормление алелов мы и запечатлели в одном из домов.

Вернуться из Бахты в Красноярск было непросто, ибо из-за поврежденного теплохода изменилось расписание движения судов. Только со второй попытки нам удалось ночью остановить и догнать посреди Енисея полупустой теплоход, как оказалось, предпоследний в навигации. По пути он собирал таких же запоздалых пассажиров, в том числе знакомых по Сыму отходников. На пристани всегда стояли встречающие и любопытствующие. Евгения Алексеевна немедленно узнавала среди них кетов и могла без заминки сказать, как кого зовут, из какой они семьи и что сделала эта семья для науки этнографии.

Это был для нас наглядный пример того, как надо заниматься своим делом: этнограф искренне любит и знает весь «свой» народ в лицо. Кеты и, как мы убедились, другие северяне платили Евгении Алексеевне тем же.

Е.А. Алексеенко не только неоднократно объехала все кетские территории, но и записала то, что кеты — знатоки своей культуры пожелали ей рассказать. В своих публикациях последних лет она стремится не только ввести в научный оборот факты и фольклор (на кетском и русском языках), но и рассказать о своих информантах, назвать имена как можно большего числа людей. После поездки по Енисею, организованной в 1990-е гг. журналом «Северные просторы», Евгения Алексеевна с удовлетворением отметила те положительные изменения, которые там произошли: появились новые системы коммуникации, усилилось самосознание. По данным последней переписи, группа кетов (Латиковы) объявила себя особой малой группой — югами, потомками мифического народа (основная информация о них была опубликована Е.А. Алексеенко).

В домах у кетов я неоднократно видела публикации Е.А. Алексеенко — ее книги и отдельные оттиски с дарственными надписями. Они всегда стояли на видном месте. По-прежнему Евгения Алексеевна остается в курсе всех кетских событий. Когда в Келлоге появился телефон, ей оттуда немедленно позвонили. Сейчас это легче сделать на мобильный телефон. Монография «Кеты» [Алексеенко 1967] становится источником аутентичной информации о родовых угодьях кетов. Недавно за консультацией обратились сотрудники Байкитского музея, которые приобрели кетские предметы (удивительно, что Евгения Алексеевна даже кетскую семейную религиозную скульптуру узнает «в лицо»), а летом 2010 г. задумали кетский летний лагерь для детей (в форме традиционного стойбища).

К Е.А. Алексеенко постоянно обращаются ученые. Так, перед поездкой в Сибирь для консультаций к ней специально приезжал американский лингвист Э. Вайда. Когда в 2010 г. в Университете Фэрбенкса (США) проводили симпозиум в честь исследователя Русской Америки Лидии Блэк, Евгения Алексеевна немедленно откликнулась и сумела выразить в кратком сообщении свою благодарность и теплые чувства к этой женщине, с которой они познакомились на одном из конгрессов на Аляске.

Уже не первое поколение кетов, обучающихся в РГПУ им. А. И. Герцена, приходит к Евгении Алексеевне домой и на работу. Они получают и помощь, и советы. Евгения Алексеевна искренне радуется, когда очередной специалист-кет получает образование и возвращает знания родному краю. Первой кеткой — кандидатом наук стала З.В. Максимова. Окончив РГПУ, уехала по распределению к вепсам Н. Шишкарева, а ее мама получила грант из Германии на работу с детьми и т.д.

На вопрос, почему она выбрала для изучения Туруханский Север, Евгения Алексеевна как-то ответила, что в студенческие годы она возвращалась из экспедиции с Востока, и ей очень понравился Енисей, над которым бушевала гроза. Эту любовь она привила и своей семье, и друзьям: брат Виктор, художник, неоднократно ездил в отпуск с ней в экспедиции. Таня Бажан получила распределение в Красноярск и недавно защитила докторскую диссертацию.

Невзирая на непрекращающуюся научную работу, для которой ей постоянно требуются ее полевые дневники, Евгения Алексеевна находила возможность вдохновлять и создавать условия для творчества своего супруга Ростислава Васильевича Кинжалова. Летом она вывозила его в Павловск, провела с ним несколько лет в пансионате ветеранов науки. Она и теперь, после кончины мужа, многое делает для публикации и переиздания его научных и художественных произведений (посмертное издание романа Р.В. Кинжалова «Сокровища Великой Богини» увидело свет в 2008 г. только благодаря ее усилиям).

К сожалению, не все лакуны енисейской этнографии заполнены. Но еще далеко не все труды Е.А. Алексеенко опубликованы. Когда в очередном «Кетском сборнике» оказался избыток материалов, она сняла свою статью в пользу приглашенных ею авторов. Научная добросовестность и обширнейшая эрудиция Евгении Алексеевны Алексеенко, а также высокая порядочность сделали ее истинным классиком сибирской этнографии. А любовь к далекому прекрасно-

му краю, зародившаяся в юности и пронесенная через всю жизнь, — настоящим поэтом Енисейского Севера.

Библиография

Алексеевко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.

Алексеевко Е.А. Из опыта полевой работы // Полевая этнография—2006: Материалы II Междунар. науч. конф. СПб., 2007. С. 61–67.

Алексеевко Е.А. Первый Туруханский аргиш Рудольфа Итса (1958 г.) // Историческая этнография. Вып. 3: Малые этнические и этнографические группы: Сб. ст., посвящ. 80-летию со дня рождения проф. Рудольфа Фердинандовича Итса. СПб., 2008. С. 43–52.

Туруханск: Северная вотчина государства российского. Красноярск, 2004.